

**Функционирование видо-временных форм чувашского глагола
(в сопоставлении с русским)**

аспектуальность, категория вида, видо-временная форма, частные видовые значения

Современная русская аспектология представлена многочисленными исследованиями, в основе которых лежат ставшие уже классическими труды Ю.С.Маслова, А.В.Бондарко, М.А.Шелякина, Е.В.Падучевой и др. [Маслов 1959; Бондарко 1971; Бондарко 2002; Шелякин 2008; Падучева 1996].

В настоящей работе мы придерживаемся тех принципов, на которых базируется Санкт-Петербургская школа функциональной грамматики. Исходными являются положения, определяющие направление анализа языковых явлений от формы к значению и – наоборот – от семантики к средствам ее выражения [Теория 2001].

В области аспектуальных значений, связанных в славянских языках, в частности, в русском, с категорией вида, устоявшимся на данный момент является представление о семантике самой категории как определяющей характер протекания действия во времени. Противопоставление видов – совершенного и несовершенного – опирается на их соотношение с такими семантическими компонентами, как целостность действия и ограниченность его внутренним пределом. Соответственно совершенный вид определяется как целостное действие, ограниченное внутренним пределом; несовершенный – нецелостное действие, не ограниченное внутренним пределом.

Противопоставление видов без особого затруднения осознается носителями языка. Не вызывает затруднений и уместное употребление видовых форм в различных контекстуальных условиях.

Получила распространение система так называемых частных видовых значений, согласно которой категориальное значение каждого из видов конкретизируется в зависимости от контекстуального окружения глагольной формы и речевой ситуации. Немаловажным оказывается также интенциональный компонент высказывания, определяемый намерением говорящего специально подчеркнуть тот или иной оттенок значения. В совокупности названные условия организуют тип аспектуальной ситуации – конкретного единичного действия, повторяющегося действия, обобщенного факта, постоянного отношения.

Частные видовые значения распределяются следующим образом: 1) значения совершенного вида – конкретно-фактическое, наглядно-примерное, суммарное, потенциальное; 2) значения несовершенного вида – конкретно-процессное, неограниченно-кратное, ограниченно-кратное, обобщеннофактическое, потенциально-качественное, постоянно-непрерывное [Русская 2005].

При обращении к фактам языков, не имеющих категории вида (в нашем случае это чувашский), обнаруживается корреляция между частными видовыми значениями русского глагола и разветвленной системой временных форм глагола нерусского. Те компоненты семантики характеристики действия, которые в русском языке берет на себя категория вида, в чувашском оказываются закрепленными за определенными формами времени, в терминологическом названии которых закреплены значимые в аспектуальном отношении определения. Показательны в этом отношении названия форм прошедшего времени: «пёрре иртнĕ вăхăт» – «однажды (один раз, однократно) прошедшее время», или прошедшее однократное; «темиşe иртнĕ вăхăт» – «неоднократно (несколько раз) прошедшее время», или прошедшее многократное [Андреев 2002; Иванова 2011]. Значения однократности / многократности (повторяемости) являются аспектуально значимыми. Для передачи этих оттенков грамматиче-

ской семантики глаголом несовершенного вида в русском предложении необходима контекстуальная поддержка, поскольку видо-временная форма сама по себе явно не передает названные оттенки, содержа их в качестве потенциала, способного реализоваться при подходящих условиях. Представим несколько примеров: 1) *И вот как раз в то время, когда Михаил Александрович рассказывал поэту о том, как ацтеки лепили из теста фигурку Вицлипуцли, в аллее показался первый человек* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита); 2) *О, сколько раз потом вспоминал Пойгин эти слова, когда приручал Линьлиня. Порой приходил в отчаяние* (Н. Шундик. Белый шаман). Обстоятельственный комплекс как раз в это время в предложении (1) обусловливает интерпретацию значения формы несовершенного вида как конкретно-процессного. Это значение определяется также на основе признака наблюдаемости: действие происходит в конкретное время, в конкретном месте с конкретным субъектом. Во фрагменте (2) подчеркивается повторяемость – *сколько раз, порой*, благодаря чему и действие интерпретируется как повторяющееся.

Обратимся к фактам чувашского языка. Если в русском обязательность категории вида распространяется абсолютно на все глагольные формы – спрягаемые и неспрягаемые, то в чувашском значения совершенности, длительности, многократности, единичности и т.п. закреплено, как уже было упомянуто, за формами времени. Неспрягаемые формы также способны актуализировать аспектуальные значения, проявление которых оказывается обусловленным интерпретационной компетентностью носителя языка. Рассмотрим некоторые частные случаи.

Прошедшее однократное, как и сообщает название формы, «прочитывается» как действие, которое произошло один раз и не имеет повторений. Для подобной интерпретации достаточно минимального контекста, в котором конкретизированы время, место и субъект: *Нина кил хушшине хыпаланса кёчё, портфельне юр сине лаплаттарса лартрё* (И. Лисаев. Пилешём, пилеш...) – *Нина влетела во двор, портфель шмякнула на снег*. В русском языке подобное употребление анализируемой формы соотносится с конкретно-фактическим значением совершенного вида. Однако у этой же формы возможно иное прочтение, определяемое «сильным» контекстом: *Валерий кассерен килте ытларах пулчё, шултан илсе килнё купаса каларё, вуларё, хушара-пёрре кана ялти лармасене тухса кёркелерё, кашни шаматкунах вярман леш енчи таван ялне Йёлмекассине кайрё, пёрмаях апи мён-ле пуранкалатъ-ши тесе пашарханчё* (И. Лисаев. Пилешём, пилеш...) – *Валерий по вечерам чаще оставался дома, играл на принесенной из школы гармони, читал, всего-то раза два ходил на деревенские посиделки, каждую субботу отправлялся через лес в родную деревню Йельмекасы, все время переживал, как там мать поживает*. «Сильный» контекст в данном случае задает значение повторяемости, которое поддерживается на протяжении всего предложения: обстоятельства со значением повторяемости, кратности *кассерен (по вечерам), хушара-пёрре (раза два), кашни шаматкунах (каждую субботу), пёрмаях (все время)*; глагольные однородные сказуемые, соотнесенные с одним и тем же субъектом. Таким образом, форма прошедшего однократного в подобных случаях «прочитывается» как повторяющееся действие – грамматическая природа формы оказывается поглощенной семантикой контекстуального окружения глагольного слова. С одной стороны, это иллюстрация многофункциональности грамматической формы, с другой, один из примеров переносного употребления грамматической формы прошедшего однократного в значении прошедшего многократного.

Особенно показателен в этом отношении следующий пример, построенный на контрасте многократности – однократности: *Амашё темиşe хутчен килсе кайрё, пёррехинче пёр михё сёрулми сунашкапа туртса килчё* (И. Лисаев. Пилешём, пилеш...) – *Мать несколько раз приходила, однажды привезла на санках мешок картошки*. В чувашском предложении семантический контраст опирается на проти-

вопоставление обстоятельств *темиçe хутчен (несколько раз) – пёррехинче (однажды)* при одинаковости глагольной формы – прошедшее однократное (*килсе кайрё (приходила) – туртса килчë (привезла)*). Без давления контекста форма *килсе кайрё* будет однозначно «прочтена» именно как однократное действие (дословно «придя ушла» – навестила). В русском предложении контраст повторяемости – единичности передается, помимо обстоятельств *несколько раз – однажды*, и разными видовыми формами *приходила – привезла*.

В отличие от формы прошедшего однократного прошедшее многократное более консервативно в своем поведении и в спектре выражаемых значений. В работе О. А. Димитриевой форма прошедшего многократного рассматривается в связи со способами глагольного действия: это вопросы передачи различных оттенков повторяемости при переводе с русского на чувашский.

Инвариантным для прошедшего многократного является собственно значение многократности: *«Капитонова лăш та курмастчë, шеремете пëрех педсоветсенче ятлатчë»*, - *тëлëннëччë перрехинче Рена Михайловна* (И. Лисаев. Пилешëm, пилеш...) – *«Капитонова покая не видала, все равно горемычную склоняли на педсоветах»*, - *удивлялась однажды Рена Михайловна*; - *Хайсем тата? Эсë кушывнине сисмесëрех юлатчëс-и?* – *Аçтан пëлес, сисетчëс те пуль. Тен, эп юрту сëнесе те кëтетчëс пуль* (И. Лисаев. Пилешëm, пилеш...) - - *А сами что? И не замечали, что ты глаз положил?* – *Как знать, может, и замечали. Может, и ждали от меня признания в любви*. Повторяемость в таких случаях эксплицируется либо множественностью субъекта, либо множественностью повторений ситуации. В русском соотносится с неограниченно-кратным или обобщеннофактическим значением несовершенного вида.

Как особый тип употребления прошедшего многократного выделяется такой тип, контекста, где форма используется в изобразительной функции – как правило, это ситуация воспоминания, представленная с точки зрения одного из участников прошлых событий: *Вăл Валерий Никандрович август пуçламăшëнче кунта пуçласа килнине аса илчë. [...] Оľон кил хушшинче утă тупëтетчë* (И. Лисаев. Пилешëm, пилеш...) – *Она вспомнила, как Валерий Никандрович появился здесь в начале августа. [...] Алена во дворе сушила сено; Унтанпа икë сул иртрë, çав пëрремëш куна – «Атай хăш тëлëрехре-ши?» тесе ыйта-ыйта пынă куна – паянхи пекех астăвать. Хăпартнă сул айккинче, симëс курăк çинче, çамрăк хër канса ларатчë* (И. Лисаев. Пилешëm, пилеш...) – *С тех пор прошло два года, но тот первый день – день, когда он ехал и расспрашивал «Далеко ли Атаи?» - помнит как сегодня. В стороне от дороги, на зеленой траве, отдыхала молодая девушка*. Отметим еще раз, что в подобных контекстах, как правило, содержится указание на то, что речь идет о воспоминаниях (*аса илчë – вспомнила; астăвать – помнит*). Форма прошедшего многократного в русском соотносится с конкретно-процессным значением несовершенного вида, которое, как мы уже отмечали ранее, предполагает наблюдаемость изображаемого процесса.

Подобное употребление является достаточно типичным для данной формы: в разговорной речи, когда выясняется вопрос о том, где находится тот или иной субъект (объект), в ответе используется форма прошедшего многократного: *Эсë асаннене курмарăн-и?* – *Вăл пахчара темëскер ёçлетчë. – Ты не видел бабушку?* – *Она что-то делала в огороде; Ёнесем астаракра-ши?* – *Халь куртăм: кëтү яла кëретчë. – Где коровы?* – *Сейчас видела: стадо заходило в деревню*.

Итак, аспекты грамматической семантики часто являются неосознаваемыми, но обязательными элементами высказывания. Наличие в русском языке категории вида и её облигаторность не вызывает у носителей русского языка затруднений в выборе видовых форм при построении высказываний, и, как правило, этот выбор не всегда оказывается сознательным. Семантические оттенки видовых форм – так называе-

мые частные видовые значения – передаются во многом с помощью контекстуального окружения глагольной формы – элементов функционально-семантического поля аспектиальности.

В чувашском языке категории вида как таковой нет. Глагольное слово лишь называет само действие или состояние безотносительно к его временным и качественным характеристикам, подобно двувидовому глаголу в русском языке. Однако весь спектр аспектиальных оттенков в высказывании реализуется в результате взаимодействия многих составляющих: разветвленной системы времён (где, в частности, прошедшее время представлено несколькими формами – «однажды прошедшее время», «множественно прошедшее время», «давно прошедшее время»); лексическое значение глагола, связанное с представлением об исчерпанности, предельности, длительности, повторяемости действия; аффиксы, выражающие значения одно- и множественности; контекстуальное окружение глагольного слова; речевая ситуация и фоновые представления о характере протекания действия или состояния в реальной действительности.

Особое значение данная проблема приобретает в условиях активного чувашско-русского двуязычия.

Литература

Андреев И.А. Чувашский язык. Практический курс: учебное пособие / И.А.Андреев. – 2-е изд. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2002. – 295 с.

Бондарко А.В. Вид и время русского глагола (значение и употребление) / А.В.Бондарко. – М.: Просвещение, 1971. – 240 с.

Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка / А.В.Бондарко. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 736 с.

Димитриева О.А. Глаголы с итеративным значением в русском и чувашском языках (на примере цикла Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки») / О.А.Димитриева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 10 (52): в 2-х ч. – Ч.1. – С. 65 – 68.

Иванова А.М. Сравнительно-сопоставительное исследование проблем морфосинтаксиса в чувашском языкознании: автореф. дис. докт. филол. наук / А.М.Иванова. – Чебоксары, 2011. – 45 с.

Маслов Ю.С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (Значение и употребление) / Ю.С.Маслов // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. – М.: АН СССР, 1959. – С.157–312.

Михеева С. Л. Аспектиальные значения в чувашском языке в сопоставлении с русским / С. Л. Михеева // Словесник. Учитель. Личность: материалы Всерос. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Ч. 1. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун -т, 2010. – С. 67 – 72.

Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива) / Е. В.Падучева. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.

Русская грамматика: научные труды. – М.: Наука, 2005. – Том 1. – 784 с.

Теория функциональной грамматики: Введение, аспектиальность, временная локализованность, таксис. – 2-е изд. – М.: УРСС, 2001. – 348 с.

Шелякин М.А. Категория аспектиальности русского глагола / М.А.Шелякин. – М.: ЛКИ, 2008. – 272 с.